

П.Б. Струве

**На разные темы (1893-1901
гг.)**

Сборник статей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П.Б. Струве
П11 На разные темы (1893-1901 гг.): Сборник статей / П.Б. Струве – М.: Книга по Требованию, 2021. – 562 с.

ISBN 978-5-458-33243-9

Пётр Бернгардович Струве (26 января (7 февраля) 1870 года, Пермь — 26 февраля 1944 года, Париж) — русский философ, историк, экономист, общественный и политический деятель, публицист. В своем сборнике статей философ анализирует основные этапы развития русской философии и общественной мысли, рассматривает биографии известных философов: В.С.Соловьева, Г.В.Чичерина, рассматривает литературное наследие русских писателей.

ISBN 978-5-458-33243-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Выпуская въ свѣтъ сборникъ своихъ статей, написанныхъ за время съ 1893 по 1901 годъ, авторъ считаетъ нужнымъ предпослать ему нѣсколько оправдательныхъ словъ. Не самый фактъ изданія требуетъ оправданія—такіе сборники издаются часто и съ полнымъ правомъ. Особенность настоящаго сборника состоитъ въ томъ, что въ немъ на глазахъ читателя авторъ перестраиваетъ свое міровоззрѣніе и такимъ образомъ, какъ бы ведетъ борьбу съ самимъ собой.

Въ 1894 году, когда авторъ опубликовалъ свою книгу „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“, онъ былъ въ философіи критическимъ позитивистомъ, въ соціологіи и политической экономіи рѣшительнымъ, хотя и вовсе не правовѣрнымъ, марксистомъ. Съ тѣхъ поръ и позитивизмъ, и опирающійся на него марксизмъ перестали для автора быть всей истиной, перестали всецѣло опредѣлять и окрашивать его міровоззрѣніе. Ему пришлось на свой страхъ искать и выработать себѣ новый строй идей. Злобствующій догматизмъ, не только опровергающій несогласномыслящихъ, но и производящій надъ ними морально-психологическій сыскъ, видитъ въ такой работѣ только „эпикурейское порханіе мысли“. Онъ не способенъ понять, что право критики само по себѣ есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ живой мыслящей личности. Отъ этого права авторъ не намѣренъ отказываться, хотя бы ему и угрожало постоянно находиться подъ обвиненіемъ въ „неустойчивости“.

Авторъ старался не исправлять прежнихъ статей согласно своимъ новымъ взглядамъ; онъ вычеркнулъ и измѣнилъ въ нихъ сравнительно очень *немногое*, хотя теперь *многое* изъ того, что оставлено безъ вся-

кихъ измѣненій, написалось бы иначе или совсѣмъ осталось бы не написаннымъ. Но въ свое время все это цѣликомъ отвѣчало взглядамъ и настроенію автора. Откровенно критикуя свои прежніе взгляды, авторъ не стыдится ихъ и не желаетъ ихъ утаивать. При перепечаткѣ статей сдѣланы нѣкоторыя дополненія, кое-что смягчено и выражено осторожнѣе, вычеркнуты нѣкоторыя полемическія рѣзкости и устранены тѣ сужденія, которыя теперь не могутъ быть поддерживаемы авторомъ даже какъ частичныя истины, такъ какъ онъ призналъ ихъ за безусловно неправильныя.

Въ предлагаемый сборникъ вошло далеко не все написанное авторомъ за указанный промежутокъ времени. Не перепечатаны здѣсь ни журнальныя внутреннія обзорѣнія, ни публицистическія статьи изъ газеты „Сѣверный Курьеръ“, ни изслѣдованія по теоріи политической экономіи и по исторіи крѣпостного хозяйства. Не включены также нѣмецкій критическій опытъ о Марксовой теоріи социальнаго развитія, напечатанный въ XIV томѣ „Архива“ Брауна, и предисловіе къ книгѣ Н. А. Бердяева *), двѣ работы, въ которыхъ новое міросозерцаніе автора формулировано и съ его социологической, и съ его философско-метафизической стороны. Къ нимъ авторъ долженъ отослать всякаго читателя, желающаго получить болѣе полное знакомство съ новымъ строемъ его воззрѣній, социологическихъ и философскихъ. Въ предлагаемомъ сборникѣ этотъ строй идей представленъ лишь неполно, главнымъ образомъ статьями 1900—1901 гг.

Авторъ считаетъ нужнымъ оговорить, что—по причинамъ, неинтереснымъ для читателей—самое печатаніе сборника затянулось на нѣсколько лѣтъ.

Мартъ 1902 г.

*) „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“ (6. 1901 г.).

МОИМЪ КРИТИКАМЪ *).

Книга „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“ вызвала довольно значительное количество отзывовъ. Нѣкоторые изъ нихъ я не считаю возможнымъ оставить безъ отвѣта. Мой отвѣтъ критикамъ на ихъ возраженія и недомѣнія я отнюдь не думаю ограничивать настоящей отвѣдью. Въ болѣе или менѣе стройномъ видѣ этотъ отвѣтъ будетъ данъ въ тѣхъ задуманныхъ мною работахъ, въ которыхъ основныя положенія „Критическихъ Замѣтокъ“ должны получить дальнѣйшее развитіе и обоснованіе. Предлагаемая же реплика—плодъ вполне естественной потребности по возможности скорѣе отвѣтить на цѣлый рядъ критическихъ отзывовъ и устранить нѣкоторое, къ сожалѣнію, изрядное, количество недоразумѣній, въ нихъ заключающихся. Долженъ при этомъ сказать напередъ, что нѣкоторые возраженія, въ особенности характера философскаго, будутъ мною теперь оставлены безъ отвѣта—не потому, чтобы мнѣ нечего было на нихъ отвѣтить, а, наоборотъ, потому, что мнѣ слишкомъ много пришлось бы говорить о вопросахъ, поднятыхъ этими возраженіями. Разобраться съ надлежащей основательностью въ этой области не такъ легко, какъ представляется, повидимому, моимъ критикамъ ¹⁾, которые, воспользовавшись краткостью и сжатостью нѣкоторыхъ философскихъ моихъ разсужденій и ихъ недостаточною вразумительностью для непривычныхъ къ философской терминологіи читателей, упрекаютъ меня въ неточности, неясности и неполнотѣ (Г. Михайловскій, „Русск. Бог.“ 1894 г. № 10) или даже

*) Настоящая статья была написана въ началѣ 1895 г., но не появилась тогда въ свѣтъ. Я печатаю ее теперь съ нѣкоторыми дополненіями и оговорками, особо отмѣчаемыми.

¹⁾ Отчасти, поэтому, я въ философской части своей книжки выражаюсь почти афористически, намѣчая точку зрѣнія и цитатами, такъ сказать, указывая дальнѣйшее обоснованіе ея. Такой характеръ изложенія сразу устраняетъ всякое подозрѣніе въ томъ, что авторъ хочетъ дать пѣчто большее, чѣмъ одни руководящія общія положенія.

въ увлеченіи метафизической фразеологіей (г. С. „В. Евр.“ 1894 г. № 12). Любопытно, что „жалкую метафизическую фразеологию“ г. С. усматриваетъ въ фразѣ, въ которой, во всякомъ случаѣ, нѣтъ ни слѣда метафизики, и выражены въ сущности мысли, ставшія прочнымъ достояніемъ научной философіи (отрицаніе субстанціальности души, принадлежащее разрушителямъ метафизики Юму и Канту, признаніе мышленія и его законовъ продуктомъ коллективнаго социальнаго творчества—одна изъ основныхъ идей современной научной психологіи). Что такія положенія—„тарабарщина“ для г. С., въ этомъ я неповиненъ. Слова г. С. о „жалкой метафизической фразеологіи“ свидѣтельствуетъ лишь о прочности укоренившейся въ нашемъ обществѣ и даже—увы!—въ литературѣ дурной привычки называть метафизикой все, чего мы не понимаемъ, все, что для насъ—„тарабарщина“. Привычка эта—печальный симптомъ философской необразованности и отсутствія серьезныхъ философскихъ интересовъ.

I.

Обращусь прежде всего къ г. Михайловскому. Свою критику онъ начинаетъ съ довольно характернаго недоразумѣнія. Характерно оно потому, что, такъ сказать, ad osculos демонстрируетъ противоположность между складомъ мышленія съ одной стороны г. Михайловскаго, съ другой—его современныхъ литературныхъ противниковъ, въ частности—автора „Критическихъ Замѣтокъ“. Г. Михайловскій недоволенъ тѣмъ, что я занимаюсь при помощи вопросительныхъ знаковъ „молчаливой, но тѣмъ не менѣе, выразительной грамматической критикой“, и замѣчаетъ вполне основательно, но слишкомъ вѣжливо, что подобная критика представляеть „нѣкоторую роскошь въ трактатѣ объ экономическомъ развитіи Россіи“. Я выражусь сильнѣе и скажу, что заниматься грамматической критикой въ данномъ случаѣ было бы съ моей стороны просто глупо.

Вопросительный знакъ мой относится не къ грамматикѣ и не къ логикѣ г. Михайловскаго, а къ пониманію имъ общественныхъ явленій. Столь немилый моему критику знакъ выражаетъ недоразумѣніе по адресу того взгляда, который отсутствіемъ экономической науки и грубостью нравственныхъ идей объясняетъ развитіе цѣлаго социально-экономическаго строя (западно-европейскаго капитализма). Г. Михайловскій, повидимому, думаетъ, что

экономическая наука, или, точнѣе, теорія экономической политики можетъ завѣдывать кругомъ экономическихъ явленій, и что отъ степени совершенства этой науки зависитъ и степень совершенства социальна-экономическаго строя. Авторъ же „Критическихъ Замѣтокъ“ раздѣляетъ тотъ взглядъ, что кругомъ экономическихъ явленій завѣдывали и завѣдуютъ общественные классы, и что экономическая наука принимаетъ участіе въ этомъ завѣдываніи постольку, поскольку ея указанія представляютъ теоретическое („научное“) выраженіе интересовъ господствующихъ классовъ.

Буржуазная политическая экономія (въ смыслѣ системы экономической политики) дѣйствительно завѣдывала ¹⁾ кругомъ экономическихъ явленій и участвовала въ развитіи современнаго экономическаго порядка въ Европѣ—потому, что носителемъ процесса экономическаго развитія явилась буржуазія, а современный, такъ называемый катедеръ-соціализмъ, т.-е. опять-таки „наука“, „завѣдующая кругомъ экономическихъ явленій“, есть систематическое выраженіе той совокупности возможныхъ и необходимыхъ ²⁾ уступокъ буржуазіи рабочему классу, которая обычно фигурируетъ подъ кличкой „соціальной реформы“.

Итакъ, вотъ—истинный смыслъ заподозрѣннаго въ грамматической критикѣ вопросительнаго знака. Мой строгій критикъ оказался ужасно чувствительнымъ по части грамматической безупречности своихъ фразъ и крайне беззаботнымъ насчетъ научной продуманности своихъ социологическихъ идей. Тривиальное и прямо плоское объясненіе капитализма невѣжествомъ и грубостью нравовъ казалось ему стоящимъ выше „молчаливой, но тѣмъ не менѣе выразительной, критики“. Я склоненъ скорѣе думать, что оно ниже даже самой молчаливой критики.

До сихъ поръ приходилось говорить о недоразумѣніи, а теперь на сцену появляется уже нѣчто, менѣе—какъ бы выразиться помягче—извинительное. Г. Михайловскій упрекаетъ меня въ томъ, что въ своей критикѣ народнической литературы я „допу-

1) Наука въ строгомъ смыслѣ слова ничѣмъ завѣдывать не можетъ: нормировка человеческихъ отношеній и воздѣйствіе на жизнь *научными* понятіемъ *науки* не объемлется.

2) Возможныхъ—т.-е. такихъ, которыя мыслимы безъ посягательства на основныя начала современнаго хозяйственнаго строя; необходимыхъ—т.-е. такихъ, безъ которыхъ невозможно спокойное существованіе „общества“.

стиль пробѣлы, граничащія съ извращеніемъ“, и прибавляетъ при этомъ поучительно, что „извращеніе не оправдывается никакою краткостью и бѣглостью“. Мое извращеніе идей г. Михайловскаго, по мнѣнію послѣдняго, состоитъ въ томъ, что я стараюсь выставить его человѣкомъ, не признающимъ существованія причинной связи въ явленіяхъ общественной жизни, другими словами, не признающимъ ихъ законосообразности. Упрекъ г. Михайловскаго совершенно несправедливъ, въ чемъ, я надѣюсь, всякаго непредубѣжденнаго читателя убѣдитъ слѣдующее мѣсто изъ моей книги. Прочитывая нѣсколько мѣстъ изъ сочиненій г. Михайловскаго, я замѣчаю: „по этому взгляду историческій процессъ „законосообразенъ“, но въ то же время не существуетъ *непреодолимыхъ* историческихъ тенденцій, которыя, какъ таковыя, должны служить, съ одной стороны, исходнымъ пунктомъ, а съ другой—обязательными границами для цѣлесообразной дѣятельности личности и общественныхъ группъ“ (стр. 10—11 „Критич. Зам.“).

Неужели г. Михайловскій имѣлъ право, взводя на меня обвиненіе въ допущеніи пробѣловъ, граничащихъ съ извращеніемъ, игнорировать столь ясныя слова, какъ: „по этому взгляду историческій процессъ законосообразенъ“. Когда я писалъ эти слова, я имѣлъ въ виду именно тѣ заявленія г. Михайловскаго, которыя онъ цитируетъ для моего обличенія. Г. Михайловскій могъ бы меня упрекнуть въ томъ, что я недостаточно или совсѣмъ не объяснилъ одновременной наличности въ его соціологической теоріи, съ одной стороны, признанія законосообразности общественныхъ явленій, съ другой стороны, отрицанія соціологической необходимости для личности. Но это былъ бы уже другой упрекъ, существенно отличный и по своему содержанію, и по своему моральному значенію отъ упрека, сдѣланнаго г. Михайловскимъ. На первый упрекъ я бы отвѣтилъ словами поэта:

Aber was nicht zu begreifen
Wüsst'ich auch nicht zu erklären;
Helfet alle mich belehren!

На второй—я скажу: извращеніе путемъ умолчанія совершено самимъ г. Михайловскимъ.

Весьма обрадовали г. Михайловскаго (и нѣкоторыхъ другихъ) мои слова, что чисто философское обоснованіе экономического материализма еще не дано; онъ даже привѣтствуетъ сказавшуюся въ этихъ словахъ „добросовѣстность и скромность“, но—увы!—

туть повторилась „alte Geschichte doch bleibt sie ewig neu“: злоупотребленіе чужой скромностью. Мое замѣчаніе о философской необоснованности экономическаго матеріализма въ связи со всѣмъ монимъ изложеніемъ имѣло тотъ вполне опредѣленный смыслъ, что чисто философская точка зрѣнія основателей экономическаго матеріализма, т.-е. ихъ *теорія познанія* осталась невыясненной ¹⁾.

Это отнюдь не мѣшаетъ экономическому матеріализму быть и строго научной теоріей, и плодотворнѣйшимъ „эвристическимъ“ принципомъ. Какъ эвристическій принципъ, указывающій, куда преимущественно слѣдуетъ направлять изслѣдователю общественныхъ явленій свое вниманіе, какъ Ариаднина нить, экомическій матеріализмъ обѣщаетъ произвести полный переворотъ въ наукѣ.

Тѣхъ, кто, какъ г. Михайловскій, ехидно указываютъ, что, „справедливо признавая теорію экономическаго матеріализма философски необоснованной и фактически неprovѣренной“, я тѣмъ не менѣе на ней строю „всѣ свои выводы вплоть до призыва на выучку

¹⁾ Пока экономическое пониманіе исторіи не будетъ обосновано на принципахъ критической философіи—какъ частный случай того матеріализма явленія („Materialismus der Erscheinung“—выраженіе Фр. Альб. Ланге), который является единственнѣйшимъ вѣрнымъ руководителемъ для всякой науки.—до тѣхъ поръ я не могу считать экономическій матеріализмъ философски вполне обоснованнымъ.

Г. Михайловскій думаетъ, что я напрасно пытаюсь опереться на критическую философію. Онь, повидимому, не подозреваетъ, что именно съ помощью критической философіи можетъ быть окончательно показано, на какихъ грубыхъ недораумьніяхъ основана пресловутый субъективный методъ, принадлежащій къ категоріи западно-европейскихъ „старыхъ шляпокъ“ самаго сомнительнаго достоинства.

До меня никто изъ марксистовъ не обращался къ критической философіи: наоборотъ, марксисты обнаруживали по отношенію къ этой философіи не только полное равнодушіе, но даже скептицизмъ, на мой взглядъ недостаточно мотивированный (см., напр., статью Бернштейна о Фр. Альб. Ланге въ Neue Zeit. X. 2).

Дополненіе 1900 г. Высказываясь такъ въ 1895 г., я не зналъ, что являюсь пионеромъ цѣлаго новаго направленія въ критической разработкѣ историко-философскихъ воззрѣній Маркса. Направленіе это характеризуется стремленіемъ сочетать идеи новѣйшей критической философіи съ жизнеспособными основными теоретическими и практическими идеями Маркса. Съ 1895 г. создавалась цѣлая литература въ этомъ духѣ. Первое мѣсто въ ней безусловно принадлежитъ—если не причислить сюда извѣстныхъ трудовъ Штаммлера и Зомбарта—небольшимъ, но содержательнымъ и глубокимъ вещамъ *Конрада Шмидта*.

капитализму“, мы спросимъ: какая теорія общественнаго развитія болѣе обоснована научно и философски, чѣмъ экономической матеріализмъ? Все мои взгляды по отдѣльнымъ вопросамъ, затронутымъ въ моей книжкѣ дѣйствительно могутъ быть сведены къ основной концепціи экономического матеріализма, но для тѣхъ, кто не признаеть его основныхъ положеній, все-таки, думается мнѣ, совершенно невозможно съ торжествомъ отдѣлываться отъ моихъ выводовъ простымъ указаніемъ, что они опираются на теорію, „философски необоснованную“. *Экономическая эволюція* во всякомъ случаѣ превосходно объясняется социологическимъ ученіемъ Маркса, и потому освѣщеніе вопроса объ экономическомъ развитіи Россіи, съ точки зрѣнія этого ученія, конечно, гораздо болѣе научно, чѣмъ попытка выяснитъ тотъ же вопросъ при помощи теорій, опирающихся на пресловутую „роль личности“ въ исторіи. Допустимъ, что всей человѣческой исторіи нельзя объяснить развитіемъ производительныхъ силъ и борьбою классовъ, но неужели гениальная социологическая теорія Маркса менѣе пригодна для выясненія условій нашего хозяйственнаго развитія, чѣмъ социологическія идеи гг. Михайловскаго и Южакова? Или г. Михайловскій полагаетъ, что въ трудахъ проф. Карѣева дано „философское обоснованіе“ самобытной социологіи?

Въ своей книжкѣ я, между прочимъ, старался разсѣять туманъ, напускаемый самобытными социологами при помощи слова „личность“ („Критическія Замѣтки“, стр. 13, 31, 62). Но — увы! — повидимому, самыя ясныя вещи при нѣкоторыхъ условіяхъ не всегда и не всѣмъ возможно втолковать. Оказывается, что я обнаруживаю „презрѣніе“ къ личности. Такъ, совершенно такъ обвиняли и обвиняютъ въ презрѣніи къ человѣческому духу всѣхъ не признающихъ независимости психической жизни отъ матеріальныхъ условій, въ разрушеніи нравственности, въ отрицаніи моральной отвѣтственности и т. д.— всѣхъ отвергающихъ свободу воли. Но нельзя же въ самомъ дѣлѣ такъ безцеремонно замалчивать, что въ одномъ случаѣ подъ личностью разумѣется одно, въ другомъ — другое. А между тѣмъ на этомъ приѣмѣ строятся самыя побѣдоносныя противоположенія. „Вы помните, — спрашиваетъ г. Михайловскій своихъ читателей („Русск. Бог.“ 1895 г. № 1-й), — назойливость, съ которою г. Струве твердилъ, что „экономическій матеріализмъ просто игнорируетъ личность, какъ социологически ничтожную величину“, и что „социологія можетъ игнорировать личность“. Во избѣжаніе недоразумѣній, онъ это „повторяетъ“, онъ

„настаивалъ“ на этомъ. Г. Бельтовъ возражая, правда, не г. Струве, иронически спрашиваетъ: „что такое общественныя отношенія производства? Это отношенія людей. Какъ же будутъ они развиваться безъ людей. Вѣдь тамъ, гдѣ не было бы людей, не было бы и отношеній производства“ (222). И далѣе уже не въ бровь, а прямо въ глазъ: „матеріалисты-діалектики далеки отъ того, чтобы сводить роль личности въ исторіи къ нулю; они ставятъ передъ личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный терминъ, надо признать совершенно исключительно идеалистической“.

Г. Михайловскій сильно ошибается, если полагаетъ, что въ данномъ случаѣ есть какое-либо разногласіе между г. Бельтовымъ и мной. Самъ же г. Михайловскій (въ № 10 „Русскаго Богатства“ за 1894 г.) цитировалъ мои слова со стр. 55 „Критическихъ Замѣтокъ“: „въ томъ указаніи, что люди сознательно преслѣдуютъ извѣстныя цѣли, что въ силу этого они не могутъ на практикѣ смотрѣть на себя иначе, какъ на дѣятелей прогресса; что такимъ образомъ извѣстная доктрина: *Laisser faire, laisser passer*, съ которой въ лицѣ Спенсера сражается Уордъ, не имѣетъ подъ собою никакой теоретической почвы,—во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго“. Г. Бельтовъ, я увѣренъ, не раздѣляетъ теоріи г. Карѣва о „роли личности въ исторіи“,—теоріи, по которой принципомъ личности является „самоопредѣляемость, т.-е. самобытность, какъ выработка идей дѣятельностью собственной мысли и самостоятельность, какъ стремленіе къ достиженію личныхъ (не въ смыслѣ эгоистическихъ, а въ смыслѣ самостоятельно поставленныхъ) цѣлей; личность, пассивно воспринимающая идеи изъ окружающей культуры, личность, пассивно повинующаяся требованіямъ данной соціальной организаціи, есть произведеніе надъ-органической среды, а она опредѣляется извнѣ; она не самобытная личность, а какъ бы клѣточка соціальной организаціи“. (Н. Карѣвъ. „Сущность историческаго процесса“, 613 — 614). А если г. Бельтовъ не раздѣляетъ теоріи „самобытныхъ и самоопредѣляемыхъ личностей“, то почему г. Михайловскій противопоставляетъ взглядъ г. Бельтова на личность—моему? Съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма „самобытныя“ и „несамобытныя“ личности, такъ сказать, одного и того же происхожденія; онъ и тутъ не признаетъ различія между „бѣлой“ и „черной“ костью. Съ этой точки зрѣнія различіе въ роли личностей не есть нѣчто первичное, чѣмъ можно было бы объяснять историческій процессъ. Разъ сами „само-

бытныя личности“, подлежать объясненію, указаніе на ихъ роль ничего не объясняетъ. Отрицать роль личности въ исторіи въ только что указанномъ смыслѣ не значить вовсе ни презирать личность, ни обречать ее на пассивность.

Г. Михайловскій благоразумно воздержался отъ пространныхъ разсужденій о моемъ презрѣніи къ личности, но все-таки онъ ввелъ въ соблазнъ одного изъ малыхъ сихъ, наговорившаго совершенно невѣроятныя вещи на эту тему. Я имѣю въ виду брошюру г. Гофштеттера: „Доктринеры капитализма“ (Спб. 1895 г.). Тутъ есть все до разглагольствованій о свободѣ воли включительно, нѣтъ только ни логики, ни здраваго смысла. Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько характерныхъ мѣстъ. „Если социальный законъ слагается изъ желаній, то, слѣдовательно, желанія становятся закономъ“ (Вотъ такъ силлогизмъ! Ich rate Euch drim zuerst collegium logicum!). „Прямымъ выводомъ изъ отрицанія роли личности въ исторіи и социологическаго фатализма марксистовъ является полная пассивность, упованіе на волю непреодолимыхъ законовъ социальнаго развитія и дряблый гражданскій индифферентизмъ“ (10). Воля законовъ! Вѣдь, вы сами, г. Гофштеттеръ, сказали выше, что „всякій законъ.... только констатируетъ порядокъ.... явленій“ (9). Откуда же у закона воля! Точно такъ же вы сами вѣрно замѣтили, что „смѣшно противъ (по) ставить эти (т.-е. научные) законы свободной воли человечества“ (человѣка?) (9). Зачѣмъ же вы на слѣдующей страницѣ въ серьезъ дѣлаете смѣшное и себя посмѣшищемъ?! „Прямымъ выводомъ.... является.... дряблый гражданскій индифферентизмъ“. Образчикъ своихъ прямыхъ выводовъ г. Гофштеттеръ далъ намъ уже выше, и мы поневолѣ относимся скептически къ его „непреодолимой“ логикѣ. Въ отвѣтъ на его „прямой выводъ“ скажемъ, что эта логика сочетается съ полнымъ незнаніемъ и непониманіемъ ученія Маркса, то г. Гофштеттеру лучше было бы о гражданскомъ индифферентизмѣ... помолчать. Онъ самъ дѣйствительно не индифферентенъ (стр. 27) къ такого рода союзамъ, къ которымъ мы болѣе чѣмъ индифферентны. И о гражданскомъ индифферентизмѣ марксистовъ смѣетъ говорить господинъ, который жалѣетъ о растратѣ силъ русской интеллигенціи „въ безплодной погонѣ за иными *неэкономическими* (курсивъ г. Г.) идеалами“ (19). Съ какихъ поръ, спросимъ мы г. Гофштеттера, индифферентизмъ къ т. н. „неэкономическимъ“ идеаламъ считается гражданскимъ мужествомъ? Великое общественное значеніе экономическаго матеріализма, между прочимъ, заклю-